

Сергей Сеничев родился в 1965 г. В настоящее время проживает в г. Саранске (Мордовия). В 1915 году было присвоено республиканское звание заслуженный поэт республики. Много лет проработал журналистом. Является основателем и художественным руководителем театра МХАТик (Маленький Художественный Альтернативный Театрик). Имеет троих детей и трёх внуков. За свою творческую деятельность издал семь стихотворных сборников и пять книг с прозаическими произведениями.

ТРУБАЧ

от литых пирамид до седых Аппалач —
лишь представьте, где те, а где эти —
чудо света не груды камней, а трубач,
поднимающий гвалт на рассвете,

поднимающий вой и зовущий на бой —
на мучительный бой, пусть с самим же собой,
ничего, что трубач не учитель —
он позвал — просыпайтесь и мчите.

он настойчивый малый, он дует в трубу,
он в гробу видел ангелов с лютней,
он зовёт на войну за свою же судьбу
тем упёртее, чем абсолютней
представления о равновесии тел —
тех, которые кто-то на чём-то вертел,
а затем, положившись на пропись
прежних дел, скинул с вертела в пропасть.

я безумно хочу предложить трубачу
и меня записать в поддувалы,
я же тоже, чудила, нехило звучу,
несмотря, что полстагодовалый,
ведь трубач — он трубит не затем, что заря,
а затем, чтобы поняли: утро — не зря,
он помешан на дороговизне
глыб стонхэнжа и куцости жизни.

и пускай наши гимны — мои с трубачом —
тарарам по воскресным и прочим
непонятно кому и неясно о чём —
мы всего-то что утра пророчим,
мы всего-то что празднуем солнца восход,
я — его санчо панса, он — мой донкихот,
хоть за тыном законов и дышел
я не видел его — только слышал.

но когда столько лет — лишь потухнет свеча,
до сих пор неизвестно откуда
раздаётся в ночи флажолет трубача,
я отчётливо чувствую: чудо —
не колоссы родосские, не маяки,
но — трубач и его трубочистов полки
с их по дню приходящему плачем,
эхом скачущим по Аппалачам...

ГОЛОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Голодный художник всё время рисует хлеб.
Не дам обнажённых, не речку, не лес, не небо —
голодный, хотя бы он был от рождения слеп,
упрямо рисует горбушку ржаного хлеба.

И каждый ломоть у него до того душист,
аж слюни текут, и охота схватить руками.
Голодный художник в намереньях слишком чист,
чтоб мы не заметили замысла за мазками.

Он вряд ли при этом думает о большом,
в нём нет ничего от зарвавшегося ублюдка,
голодный рисует совсем не карандашом,
но памятью, спрятанной в сердце его желудка.

И эта из памятей много точнее других.
И точности этой точности не измерить.
И тот, кто рис(к)ует про сочности дам нагих,
достаточно голоден, можете мне поверить!

ДЕМОНЫ

Для него, одинокого,
всё теперь одинаково.
И собакой у ног его
костенеет тоска.
В прозе это набоково,
а в стихах пастернаково.
Зодиаковый знак его
горсть песка...

Вытекая из вымени
ватиканова времени,
он хоронится в темени,
точно загнанный зверь.
Он лишается имени
(одиноким — зачем они?)
И лишь серые демоны
с ним теперь...

Это демоны жалости —
запоздалой. И ярости —
небывалой. И — зависти.
И — они легион.
Но не он же их в дом впустил?
И не он призывал их: "Мсти!"
И потом завывал "прости..."
Или — он?..

Или — сам? — люциферуя,
в память только и веруя,
стал смердящей химерою,
имя коей — беда?
Мир потух за портьерою.
Из углов тянет серою.
И лишь демоны — серые,
ждут: когда...

ОН И ОНА

она жила за занавеской
своих иллюзий день за днём
такой соломенной невесткой,
что хоть гори оно огнём,

и унизительно устало,
как будто вправду не устал,
он — корчил из себя брутала
и что-то в этом обретал,

а жизнь текла потоком мутным
под повстречавшим их мостом,
и всё, что он считал попутным,
ей представлялось не о том,

и уперев чело в перила
того треклятого моста,
она во всём его корила,
а он опять считал до ста,

и все привычные лекала
евклиду делали адъё,
а жизнь текла и утекала —
и от него, и от неё

ПОТУСТОЯНИЕ

По тихим улицам, позёмкою,
на еле брезжащей заре
уходит Дед Мороз с котомкою
недоданного детворе
и детвориному подобию —
мне и тебе, в который раз...

Дома, как белые надгробия,
молчат, минуте сообразно.
Город спит. Но неестественно:
как притворившийся шалун,
зажмурившись на непосредственно
тринадцать долгих-долгих лун.

Никем в потёмках не замеченный,
сутулый, вечный, что Кощей,
уносит дед мешок заплечный
простых неношенных вещей —
надежд, отмежеваний, чаяний
и прочих разных заманих.
Без них жеманней, но отчаянней —
стократ отчаянней без них.

А он уносит, дрянь дремучая,
хотя б насильно не всуча,
и снова солнце всходит, мучая
фальшивкой первого луча,
и снова мир в окне сужается,
и всё невнятной, всё общей.

Но — валит снег. И продолжается
потустояние вещей.

АТЫ-БАТЫ (СПИЧ О ЧУВСТВАХ)

снова, братцы, аты-баты... это карма... просто карма...
вроде бы ума палаты, а присмотришься — казарма,
а прислушаешься — феня, а принюхаешься — скверна,
содержанье бюллетеня вечно — потому что верно:

аты-баты! — ишь, попёрло без нужды и без причины —
ад — когда стоишь по горло в нечистотах вкусовщины
и в невежества отбросах, сгиньте, бунины и феты,
нет вопросов у едрossos — у едрossos сплошь ответы,
оловянные, как пули, караул устал от скуки —
у того, кто в карауле, не бывает чувства муки —
им, голубчик, до того ли, разомлевшим в произволе? —
у не знающего воли не бывает чувства боли...
а под фишку единенья и квасного антуража
с гордым чувством опьянения от бесчувственного ража
быдло вырвалось из калды и блажит на расслабоне:
у лобзающего фалды не бывает чувства вони,
а равно и чувства чести с чувством сколько-то конфуза —
для идущих типа вместе чувства вообще обуза...
впрочем, рассуждая строго, этим — дума нарадела:
у познавших чувство бога есть закон для беспредела,
и на смену чувству смысла под водительством кадила
встало всё, что долгокисло, плесневело и бродило —
чувство грубого расчёта, чувство времени подлёта,
чувство братства по подсказке, чувство права тех, кто в маске,
под мигалкой, с нужной ксивой, с морем углеводорода —
это кто такой красивый? — это, брат, слуга народа
с чувством полного восторга за хозяев, у которых
чувство... в общем, чувство морга — в ДНК, в подкорке, в
порах,
незнакомое донине — разве, в образе фантома,
у живущего на льдине не бывает чувства дома —
у него на этом месте тихо зреет чувство краха...
впрочем, у идущих вместе не бывает чувства страха —
только чувство упования на и впредь с колен вставанье —
чем не кайф для поколений слыть встающими с коленей?
это выглядит кощунством, но простите мне манеры —
у грохочущего чувством не бывает чувства меры...
у политого мочою — а мочой нас всех полили —
чувство лишь одно: а чо я сделать-то могу, а?..
или:
ну, меня-то не коснётся, я ж по сути милый малый...
а спина всё гнётся, гнётся, и уже пора, пожалуй,
поливать мочу искусством — по чуть-чуть и долго-долго —
у взывающего к чувствам стойче прочих чувства долга.

